

УСКОЛЬЗАЮЩАЯ БОРОДА

Кастро Фидель, Рамоне Игнасио. Фидель Кастро. Моя жизнь. Биография на два голоса. Пер. с испанского. М.: РИПОЛ классик, 2009. 784 с.

Рецензия – Владимир Орлов

«Устная речь не то же самое, что письменная; звучание, тональность разговора. Когда просматриваешь написанное, повторение одного и того же слова в параграфе может показаться ненужным. А в устной речи повторением ты выделяешь сказанное, и это правильно», – так говорил Фидель Кастро. Эти его слова, как и расшифровки всех 100 часов бесед с кубинским лидером, можно прочесть в грандиозном фолианте, который в 2009 г. выпустило российское издательство «РИПОЛ классик».

Хотя я бы предпочел воспринимать мемуары Фиделя на слух. В письменном жанре, действительно, тональность не просто меняется. Она тускнеет. Компакт-диск к книге, к сожалению, не приложен. Но я понимаю: с моей стороны было бы неоправданным эгоизмом требовать голоса Фиделя в приложении к изданию, адресованному публике, читающей по-русски.

Вообще, это странный, смешанный жанр. В подзаголовке значится «Биография». Нет, конечно, никакая это не биография. Европейский журналист и философ левых убеждений Игнасио Рамоне, сумевший убедить Команданте провести многие часы, вспоминая 79 прожитых лет, – испанец, живущий по преимуществу во Франции – не более чем культурный аранжировщик текстов Фиделя, которые тот наговорил ему между 2004 и 2006 гг. Сам Рамоне тоже признается, что жанр получился «смешанным» – по его собственному мнению, это смесь журналистики и эссеистики.

Первое издание книги вышло в Испании в апреле 2006 г. Уже следом Фидель вычитывает, добавляет, правит текст. Как говорит Рамоне, «данная версия книги, которая сегодня доступна читателю, была, таким образом, полностью просмотрена, исправлена и дополнена лично Фиделем Кастро, который закончил ее всестороннюю вычитку в конце ноября 2006 г.». С тех пор «Биография на два голоса» – а по сути, единственная автобиография Фиделя – вышла более чем в 20 странах. Наконец, пришел черед и издания на русском языке.

Даже те читатели, которые не следят пристально за развитием событий на Кубе, обратят внимание на эту дату: «конец ноября 2006 г.». Это означает, что кубинский лидер – или теперь правильнее будет сказать «бывший кубинский лидер», но как-то язык не поворачивается – вычитывал гранки данного издания уже после того, как перенес тяжелейшие операции, начиная с 26 июля 2006 г. – даты, когда болезнь вынудила его отойти от управления страной. То есть мы имеем дело, по сути, с политическим завещанием одной из мощнейших политических фигур XX в.

Только читая «Мою жизнь» от корки до корки, осознаешь то, чего, казалось бы, не мог не знать: вот он, истинно *матерый человечисце*, вынужденно уходящий на покой и окидывающий вторую половину прошлого века тем зорким взглядом, который вряд ли кто другой из мировых политиков – если только Нельсон Мандела – сегодня может себе позволить.

Фидель много рассуждает о власти и властелинах. Как говорится, «иных уж нет, а те далече»; и Фидель им оказывается словно судья, как судья и всему XX столетию. Все ушло, а он – остался. Перебирает, одного за другим, американских президентов, от Дуайта Эйзенхауэра до Джорджа Буша-младшего. К последнему он особенно брезглив: «Буш-шук». Зато – большая уважительность к Джону Кеннеди (и это несмотря на Карибский кризис) и к Джимми Картеру, которого принимал в Гаване. Правда, для меня самым ярким оказалось появление на сцене, на одной из первых страниц, другого американского президента – Франклина Делано Рузвельта. Оказывается, будучи мальчишкой, Фидель отправил Рузвельту письмо, написанное по-английски. Вот оно:

«Президент Соединенных Штатов... если хотите, дайте мне зеленую американскую банкноту в десять долларов, потому что я никогда не видел зеленой американской банкноты в десять долларов и мне бы хотелось иметь одну. Мой адрес такой: сеньор Фидель Кастро, колледж Скорбей, Сантьяго-де-Куба, Орьенте, Куба. Я не очень-то знаю английский и предполагаю, что вы не очень знаете испанский, но хорошо знаете английский, потому что вы американец, а я не американец».

А уже на последних страницах книги Фидель рассказал, что его ежемесячная зарплата как кубинского главы государства составляла тридцать долларов (в пересчете с кубинских песо, конечно, ведь хождение доллара на острове он запретил еще в 2004 г. в том примечательном и традиционно длинном телевизионном интервью, которое мне довелось посмотреть в прямой трансляции в Гаване, сидя за телевизором вместе с его сыном).

Игнасио Рамоне часто возвращает Фиделя – и читателя – к теме «властитель или властелин». В Фиделе, которым он, не скрывая того, восхищается как гением нашего – или ушедшего? – века, Рамоне видит Дон Кихота. Это продекларировано сразу, на первой же странице, в предисловии, где мы застаем Игнасио Рамоне и Фиделя Кастро за беседой в кабинете последнего, а из угла кабинета показывается проволочная статуя Дон Кихота на Росинанте. Рамоне хочет видеть в Фиделе того властителя дум, которого история безоговорочно оправдала.

Это и условие книги, но и одна из главных ее слабостей. Интервьюер, конечно, предвидя подобные упреки, сразу же делает читателям предупреждение или даже внушение:

«Мне никогда не нравились журналисты, которые во время интервью занимаются самолюбованием, то и дело нападают на своего собеседника и всячески стараются показать, что они способнее, умнее и осведомленнее, чем человек, сидящий напротив и отвечающий на их вопросы. (...) Мне не по душе и те, кто подходит к интервью как к политическому допросу, в котором предполагается наличие обвинителя, с одной стороны, и обвиняемого – с другой. (...) Бытует также нечестное и еще более трусливое представление об интервью как о публицистическом жанре, в котором позволительно вонзить кинжал в спину своему собеседнику под тем предлогом, что журналистика – де свободна (во имя таким образом извращенной свободы прессы), и произвольно обходиться с собранными материалами: сохранять определенные высказывания и выбрасывать другие, вырывать сказанное им из контекста, опускать определенные уточнения или ни в коем случае не разрешать интервьюируемому перечитывать перед публикацией свои собственные ответы на вопросы...».

Вполне внятно высказано. И именно своей внятностью позиции мне симпатично. Но прав ли Рамоне? Не облегчает ли он себе таким образом задачу, которая иначе могла бы стать для него непосильной? Думаю, это хороший сюжет для обсуждения на мастер-классе на факультете журналистики. Я принял методологию Рамоне такой, какой он ее предложил. Но то и дело я спотыкался и по ходу этих сточасовых бесед все больше разочаровывался. Не в Фиделе. В интервьюере. Своими вопросами он словно ткал структуру будущей книги, делал связки от одного сюжета к другому, а чаще всего просто отзывался безликим эхом на утверждения Фиделя, будто не расслышал и переспрашивает. Но левый интеллеktуал Рамоне сам не мог не почувствовать уязвимость, да подчас и простую скуку для читателей такого подхода, когда вместо насыщенных бесед мы получаем воспроизведение ранее уже опубликованных многословных текстов Фиделя, разбавленных вялыми вопросами-связками для *динамики* и придания видимости того, что это – интервью. Поэтому он все-таки несколько раз пытается продемонстрировать – скорее, европейским читателям, чем несокрушимой глыбе по имени Фидель, что обеспокоен *некоторыми аспектами* жизни на Кубе, и потом все скатывается к

вопросам о судьбе того или иного диссидента. Фидель парирует легко (лишь единственный раз, когда вспоминает о «деле Очоа», представленном как «дело о наркотрафике», как-то путано), будто от назойливого комаришки отмахивается.

Местами Фидель эмоционален, но таких мест – раз, два и обчелся. В основном Фидель не скупится на эмоции, когда обвиняет американский империализм. Или когда вспоминает о кубинской эмиграции в Майами. Убедительно, но предсказуемо. Фидель нигде, ни разу не взрывается, не бросается с головой в спор. Рамоне просто не дает его дару полемиста раскрыться в полную мощь, потому что предлагает ему какую-то уж слишком протертую пищу, где и зубы-то не нужны.

Возможно, отчасти отсюда такая скука охватывает на многих страницах, когда читаешь про детство и юность Фиделя, хотя Фидель вспоминает, казалось бы, все в мельчайших подробностях. Как же все-таки закалялась сталь? Мы видим описание ранних лет Фиделя, год за годом, где-то даже месяц за месяцем. Но его лицо от нас ускользает. Наверное, это – продолжение таланта Фиделя-повествователя. Он выткал свой собственный рассказ, изложил его не сбиваясь, а интервьюер и не предпринял ни малейшей попытки копнуть глубже. Кое-что, конечно, прорывается: в детстве «мне нравилось лазить по горам. Как только я видел гору, она, казалось, бросала мне вызов. Я не мог устоять перед желанием вскарабкаться на нее, добраться до вершины. Порой школьный автобус ждал четыре часа, потому что я взбирался на гору».

«Вся слава мира уместится в кукурузном зернышке», говорил Хосе Марти, и Фидель Кастро эти его слова припоминает. Похоже, мысли «о подвигах, о доблестях, о славе» не дают ему покоя, и он возвращается к ним не раз. Но вот интервьюер, уже в завершающих беседах, спрашивает Команданте: «Как Вы думаете, оценит Вас история?». И вот ответ: «Волноваться по этому поводу смысла не имеет. И знаете почему? (...) Через сто лет люди будут смотреть на нас как на племя нецивилизованных варваров, о которых и помнить не стоит». И дальше: «О славе говорил Наполеон, он постоянно о ней волновался. Ну, а сегодня во многих странах больше знакомо это имя по марке коньяка, чем по всем деяниям на поле боя. И тогда я спрашиваю: к чему волноваться?»

Эта одна из завершающих глав – «Итог одной жизни и одной революции», – пожалуй, самая яркая в книге, потому что в ней, наконец, начинаешь слышать интонации Фиделя, по отсутствию которых успеваешь истоскаться на предыдущих сотнях страниц. Так и хочется услышать вопрос о том, что бы он думал о сигарах «Фидель», хотя и понимаешь, что в таком вопросе было бы мало такта, особенно из уст столь щепетильного интервьюера. Впрочем, о сигарах в книге есть забавная зарисовка – там, где Фидель рассказывает о том, как бросил курить сигары, чтобы подать пример здорового образа жизни для своих соотечественников. Тут Фидель, обычно в каждом слове заботящийся об интересах Кубы, будто бьет по своим: «Когда мы дарим коробку сигар другу, то говорим: “Если хочешь, кури, если твой друг курит, можешь ему подарить сигары, но лучше всего подарить их недругу”». Невольно ловишь себя на мысли – позволил бы себе какой-нибудь другой глава государства так отозваться об одном из основных экспортных продуктов, причем в данном случае заслужившем бесспорно высочайшую репутацию. Нельзя не восхититься тем, что здоровье нации такой лидер ставит выше, чем узко понимаемые экономические интересы.

В столь объемном труде каждый выловит для себя минишедевры в форме *mots* – изречений и фразочек от Фиделя.

Может быть, вот это – о двух годах, с 1953 по 1955 г., которые он провел в заключении: «Я почти скукаю по тому времени, которое провел в тюрьме, потому что никогда в жизни у меня не было столько времени для чтения».

Или это – о Марксе: «В Манифесте Коммунистической партии чувствуется стилистическое влияние Бальзака – в ясности прозы, действенности и изысканности простых выражений».

Или – кажущийся сначала издевкой, шуткой на фоне общего аскетизма восторг от французской кухни, которую помогли Фиделю распробовать бывший генсек Компар-

тии Франции Жорж Марше и актер Жерар Депардьё: «Французские вина, сыры и фуа гра – лучшие в мире. Какое изобилие! Какое разнообразие! Какой вкус!»

А может быть, вот эти слова на вопрос, что он думает о (на тот момент еще не повешенном) Саддаме Хусейне, которые в самой книге не появились, так как были вычищены Фиделем при чистке гранки: «Как вам сказать... Неудачник. Заблуждающийся стратег. Жесток по отношению к своему народу».

Есть в книге и исторические анекдоты, заслуживающие детального критического анализа, а иногда и перепроверки, так как их достоверность – при всем уважении к цепкой памяти Кастро и редакционным усилиям Рамоне – вызывает сомнения. Например, вспоминая войну в Анголе, Кастро утверждает, что противник Кубы и Анголы – ЮАР – тогда обладала «восемью ядерными бомбами», «которые ей ухитрились передать Соединенные Штаты – вроде тех, что они сбросили на Хиросиму и Нагасаки». Рамоне щепетильно уточняет: «Южноафриканцы располагали атомными бомбами, переданными Вашингтоном? Это неизвестный факт». На что Кастро говорит: «Это неизвестный факт, однако это чистая правда» и далее ссылается на слова Нельсона Манделы, которого он, Кастро, спросил – вероятно, вскоре после прихода того к власти в Южной Африке: «Скажите, президент, вы знаете, где находится ядерное оружие, которым располагала Южная Африка?» «Нет, не знаю», – ответил тот. Специалисты по нераспространению без труда скажут, что тут – передержки в изложении фактов.

Впечатление от Фиделя – как от одинокой глыбы, возвышающейся над ушедшим на его глазах XX веком – невольно усиливается от прилагаемой в конце книги хронологии. Она не всегда имеет прямое отношение к Фиделю, и тут авторский голос Рамоне виден на удивление рельефнее, чем собственно в книге. Может быть, потому, что на него не давила необходимость эту, казалось бы, второстепенную, прилагаемую к книге часть согласовывать с Фиделем? Рамоне пропускает перед нашими глазами весь политический театр 70 последних лет прошлого века и первых 6 лет нового. Тут и расстрел Зиновьева с Каменевым (а год назад Фидель поступил в католический колледж), и Ялтинская конференция (Фидель получил звание бакалавра), и победоносное вступление Мао Цзедуна в Пекин (месяцем раньше у Фиделя родился первенец – Фиделито Кастро Диас-Баларт)... И так – год за годом. Имена из прошлого века. Че Гевара – убит. Кеннеди – убит. Хемингуэй – застрелился. Хрущев – свергнут, умер. Хо Ши Мин (имя, которое Фидель называет чуть ли не чаще других в качестве своего кумира) – умер. Улоф Пальме – убит. Франсуа Миттеран, Пьер Трюдо, Иоанн Павел Второй – те, кому посвящены целые страницы в воспоминаниях Фиделя и к которым он относился с особым уважением как к политикам-мыслителям – умерли, умерли, умерли... Действительно, ушедший век.

Из ныне здравствующих, о ком Фидель говорит в своих мемуарах много и с уважением: Джими Картер, отошедший от дел Цзян Цземинь, а также Уго Чавес – последний вполне при делах, и ему достаются одни из самых теплых слов Команданте; о нем он вспоминает в этой книге куда чаще, чем о брате-преемнике Рауле; его тоже попросил вычитывать гранки этой книги. Впрочем, много ли значит эта частота упоминаемости? Ведь молодой сподвижник Фиделя Фелипе Перес Роке цитируется в мемуарах то и дело; и куда теперь отправил его Рауль?

Именно в этом будто *пристегнутом* к книге хронологическом приложении вдруг прорываются какие-то детали из внутривнутриполитической жизни на Кубе и вокруг, о которых в самих беседах – либо полслова, либо ни слова: то мелькнет «мятежная дочь» Алина Фернандес Ревуэльта; то серия отстранений от должности бывших соратников в 2003 г. – кого за «коррупцию», кого за «растрату». Но если темы коррупции Рамоне в беседах все же затрагивает, то любой вопрос о личной жизни Команданте обходит за версту – впрочем, так же предупреждая об этом читателей в предисловии, как и о своем методе интервьюера. Поэтому в хронологии вдруг даже как-то неожиданно: «Февраль 1980 г. Фидель Кастро женится на Далии Сото дель Валье, учительнице из города Тринидад, с которой поддерживал отношения с 1961 г.; у них пятеро детей. Бракосочетание не получает огласки». Сразу чувствуешь однобокость автобиографии; пусть и объяснимую, заранее оговоренную; и потребность в новой книге, в такой же полноохватной, но – биографии.

Российские читатели наверняка с повышенным вниманием будут изучать главы и страницы, посвященные взаимоотношениям между Кубой и СССР, Кубой и Россией. Они вряд ли обойдут вниманием тот факт, что для Фиделя это – в общем-то, болезненная тема. Рассказывая о своем видении того, как развивался Карибский кризис, говоря уважительно, в целом очень корректно, о Советском Союзе, о Н.С. Хрущеве, Фидель все-таки не может не сделать вывод: Н.С. Хрущев с нами не посоветовался, проигнорировал Кубу, все договоренности с американцами делались за нашей спиной. Здесь – горечь и обида. Но куда больше горечи и обиды – вполне предсказуемо – когда он говорит о Горбачеве и о перестройке: «Затей мы *перестройку*, американцы были бы рады, потому что на самом деле советские люди разрушили самих себя». Даже неожиданно, когда вдруг Фидель смягчается, называя Горбачева «человеком с благими намерениями». Такое впечатление, что он просто воздерживается от продолжения этой фразы и не говорит прямо о том, куда этими намерениями, по его мнению, был выложен путь.

Фидель подробнейшим образом рассказывает в книге о том, как кубинцы оказывали военную помощь Анголе, другим государствам Африки. Он не скрывает своей гордости за эту «интернационалистскую» позицию. И, словно на контрасте, говорит о позиции СССР:

«...Мы пришли к убеждению, что в случае прямого нападения на нас со стороны Соединенных Штатов советские люди никогда не вступили бы за нас в борьбу. Мы не могли их об этом просить. (...) Мало того, мы напрямую спросили об этом как-то раз советских товарищей за несколько лет до исчезновения СССР: Скажите нам откровенно – вы поможете? – Нет, ответили они. И мы знали, что нам так ответят».

Сегодня, глядя назад в те годы, конец 1980-х и начало 1990-х гг., я по-иному смотрю на роль СССР и России в отношении Кубы, чем мне это виделось тогда. Я считаю достойным сожаления то, как наша страна повела себя в отношении Кубы, отвернувшись от нее. Нам казалось, что у нас свои беды, и нам не до того. Сегодня за такой внешне-политический эгоизм – или за близорукость – приходится расплачиваться. И тут я могу полностью понять горечь – иногда сочетаемую с сарказмом – Фиделя, как и горечь многих простых кубинцев. И тот факт, что страна, находившаяся в американской блокаде, брошенная своим главным союзником, выстояла в труднейшее для нее прошлое десятилетие – для меня уже этот факт достоин и уважения, и восхищения.

Книга пришла к российскому читателю своевременно, в интересный момент развития событий на Кубе: как внутри страны, так и в ее внешней политике, в частности, в том, что касается отношений с США, с президентом Барак Обама. Досадно, что российские издатели, взявшись за масштабный и актуальный труд по переводу и изданию мемуаров Фиделя Кастро, планку поставили недопустимо низко. Я говорю о качестве перевода на русский язык. Точнее, об отсутствии такого качества. Даже в тех цитатах, которые я приводил выше, мне иногда пришлось сверяться с испанским оригиналом и кое-где переводить заново, чтобы если не читатели мемуаров, то хотя бы читатели *Индекса Безопасности* поняли, что же на самом деле говорил Фидель Кастро. К сожалению, издателей подвели одновременно и стиль переводчиков, и их элементарная малограмотность. Не хотелось бы заниматься мелкими уколами, иначе можно было бы распотрошить большую часть текста, но чего стоят хотя бы утверждения, что «северный сосед (Кубы) однажды в 1983 году оккупировал Гранаду» (с. 487: читателям нашего журнала не надо пояснять, что имеется в виду карибская Гренада, а не испанская провинция), что «Куба не подписала договор о запрещении антиперсональных мин» (с. 610: этот перл годится в качестве шутки, но, если серьезно, то речь идет о Конвенции о запрещении противопехотных мин), когда таинственное «Кайо-Уэсо» (с. 496) оборачивается Ки-Уэстом; а в целом ряде предложений и фраз якобы туманный смысл просто скрывает тот факт, что довольно простого смысла не поняли сами переводчики и не потрудились разобраться.

Но бог с ними, с погрешностями перевода. Ключевая проблема этих мемуаров – в том, что затуманенным оказывается сам образ *Великого Бородача*. Он все говорит и говорит, но нигде не раскрывается. Не хочет раскрываться. Хочет так и уйти, заслонившись мифом, который потом уже никто отделить от реальности не сможет. Вот Рамоне, кажется, перестает ходить вокруг до около: «С высоты Вашего возраста, в 79 лет [когда делалась заключительная часть книги. – В.О.], когда Вы окидываете взглядом всю

жизнь... о чем из сделанного Вы сожалеете?». «Дайте подумать, о чем бы я мог пожалеть, в чем бы мог раскаяться...», – начинает Фидель, но дальше следует несколько страниц текста, не связанного с раскаяниями. И вот он вдруг обрывает свою тираду: «...Так что я ни о чем не жалею».

Красивый ответ. Краткий. 🐾